

Речь не о наследстве —

о наследии

Уважаемая редакция!

Никогда не думала, что обращусь к вам по такому поводу. Считала и считаю, что и так вокруг этого судебного дела чересчур много ажиотажа, на страницах печати принародно обсуждается то, что вообще должно не обсуждаться, а оставаться достоянием лишь тех, кого это касается. Но нет: верные «добрым» традициям, мы продолжаем публично полоскать самое интимное...

Собственно говоря, у меня нет претензий к М. Миронову, автору публикации «Признан сыном Александра Галича» («МП», от 10 марта с. г.): он добросовестно изложил позицию судебной коллегии по гражданским делам Мосгорсуда (точнее — адвоката истца), положенную в основу ее решения по иску Г. Михнова-Войтенко об установлении факта признания Галичем-Гинзбургом А. А. отцовства и о признании за истцом права на наследство. Но вот сама эта позиция, как и решение суда, вызывает не просто неприятие — самый горячий протест.

Могут заметить: судебные решения опротестовываются не в газете, а в вышестоящей судебной инстанции. Разумеется. И решение коллегии городского суда мною обжаловано в Верховный суд России. Но коль скоро оспариваемое решение обнародовано в широко читаемой газете, коль скоро в документе этом облик моего отца — Александра Галича, мягко говоря, искажен, мое молчание, думается, было бы равносильно отречению от него. Поэтому и только поэтому я решила воспользоваться предложением редакции, которая обязалась ознакомить читателей с доводами моей жалобы.

Судите сами: у человека вне брака родился сын. Бывает? Бывает — жизнь многосложна. И вот человек этот на протяжении десяти лет, отведенных ему роком, палец о палец не ударил, чтобы признать мальчика своим ребенком. Могло быть такое? Могло. Только не с Александром Галичем. Да, коль скоро эта сторона жизни поэта уже захватана чужими руками, соглашусь, что отец не укладывался в ханжеские рамки пресловутой коммунистической морали. Человек он был увлекающийся. Но — не себялюбивый подлец. А иначе я, сама мать, квалифицировать поведение, «нарисованное» моими судебными оппонентами, не могу. Неужели отец и впрямь таил ото всех свое дитя, изредка «подкармливая» его денежными подачками? «Друзья», правда, спешат на помощь усопшему: он-де опасался за будущее мальчика, так как подвергался преследованиям властей. Спасибо им за такую «помощь»!

Не мне, дочери Галича, выступать адвокатом властей, поломавших ему жизнь и лишивших родины. Но о каких преследованиях могла идти речь в сентябре 1967 года, когда родился Григорий Михнов-Войтенко? Имя Александра Галича еще не вымарывалось ни из кинотитров, ни с театральных афиш. Годом позже, правда, прозвучал «первый звонок»: после известного бардовского фестиваля в Новосибирске Галичу было рекомендовано воздержаться от публичных выступлений. И хотя поэт этим «советом» не воспользовался, до дней, по-настоящему черных, было далеко. Ставились пьесы, снимались фильмы по его сценариям.

Общеизвестно, что А. А. Галич был исключен из Союзов писателей и кинематографистов в начале 70-х. Тем не менее суд берет на веру такое показание: «Буквально через несколько месяцев после рождения Гриши началась травля Гоуца — его исключили из Союза писателей, Союза кинематографистов, пьесы изъяли из репертуара».

А что, собственно, грозило ребенку, дай Галичу ему свою подлинную фамилию — Гинзбург? Отказ в приеме в детский сад или в первый класс? Полно! У ушедшего режима и без того немало своих вполне реальных грехов. В связи с этим хочу сделать еще одно уточнение. Меня, признаться, коробит утверждение, что, стремясь помочь мальчику, Галич едва ли не попросту начал взаимности. Во-первых, отец был не только смелым, но и гордым человеком. Даже когда со средствами стало по-настоящему туго, он отвергал предлагаемые займы, намереваясь продать личную библиотеку. Но туго-то стало, как говорится, «под занавес» — перед самым отъездом из страны.

Однако если суд пришел к иным выводам, значит, у него были для этого твердые доказательства? Были документы? О документах чуть позже. Сначала — о показаниях свидетелей, ибо прежде всего на них базируется позиция суда. Не стану вводить читателя в юридические дебри, хотя не могу понять, почему суд, принимая заявления истца к рассмотрению, руководствовался не законом — «Основами законодательства о браке и семье», а постановлением Верховного суда Союза, противоречащим закону. Или Верховный суд стал законодательным органом? Но дело, как бы то ни было, принято к производству. А если так — суд обязан держать в спектре внимания совместное ведение хозяйства матерью и предполагаемым отцом до рождения ребенка, совместное воспитание или содержание ребенка, или иные доказательства отцовства. Первые два обстоятельства даже не фигурировали. Иные доказательства? В ос-

новном — свидетельские показания. Какие? Такие, к примеру: «Наверно, он помогал материально, но мне об этом не говорил». «Я предполагаю, что Галич помогал Соне». Правда, позже та же свидетельница заявила, что мать Григория Войтенко не отказывалась от денег, когда Галич давал их, хотя лично этого не видела. Пусть так. Но что это доказывает? Мало ли кому отец, никогда не страдавший жадностью, помогал материально? Но вот и более «весомое» свидетельство: «Григорий — вылитый Галич в молодости». А на обороте того же листа дела тот же человек утверждает: «С Галичем мы познакомились в конце 1971 года». Отцу тогда, напомним, шел 54-й год. Кстати, сама мать Григория, ныне, увы, покойная, разведясь с мужем в мае 1967 года, никогда ни к отцу, ни к кому другому претензий не предъявляла, а спокойно одна воспитывала сына.

Кто-то кому-то что-то сказал, кто-то что-то слышал, подчас даже не от Галича... По неясным для меня мотивам суд удостоил доверия именно этих свидетелей. А напрочь отказал в таковом ином. Но вот что показательно: именно в эту, вторую категорию попали люди, знавшие отца куда ближе, чем по разовому сотрудничеству в кино или театре, как раз те, с кем он делился самым сокровенным.

Впрочем, человек, самый близкий поэту по крови, оказался на «той стороне». Говорю о Валерии Аркадьевиче Гинзбурге, брате Галича. Том самом кинооператоре, с которым побрезговал делить премию постановщик «Комиссара». Напоминаю об этом потому, что А. Аскольдов был не единственным, от кого отрекся Валерий Аркадьевич. Этой же «чести» удостоился от брата и Александр Аркадьевич, когда грянул гром. Отречение от творчества брата — диссидентально зафиксировано документально. Стоит ли удивляться, что у В. Гинзбурга случилась осечка при попытке стать наследником поэта, что я категорически отказала ему в праве прикасаться к творчеству Александра Галича? Вот тогда-то с подачи Гинзбурга и возник на горизонте новый наследник — Григорий Михнов-Войтенко.

Буквально два слова о письменных доказательствах материальной помощи Галича «сыну». В деле нет не то что письма — ни единой записки отца, адресованной Григорию лично. Суд ссылается на письмо, адресованное матери истца. Но там о помощи нет ни слова. Есть записка, направленная бабушке Михнова-Войтенко по поводу смерти его матери, женщины, которую поэт, конечно, знал и, безусловно, скорбел по поводу ее кончины. Но разве можно воспринимать высказанное там желание помогать осиротевшему мальчику деньгами как безусловное доказательство отцовства? Суд, однако, воспринял это как прямое доказательство. И сослался еще на талоны к почтовым переводам: «...в графе для письма на некоторых из них указано, что деньги предназначены для Гриши». Да вот незадача: талонов в деле — семь и лишь на двух из них помечено — «для Гриши». Но именно эти два перевода отправлены... не Галичем, а другим человеком!

Ну и такой юридический курьез. Галич, как известно, погиб во Франции. И суд вынужден был оперировать нормами не только нашего, но и французского гражданского кодекса. Понимаю, почему суд употребил термин «рожденный вне брака» — буквальный перевод на русский выглядит почти оскорбительно. Хуже другое: согласно законам Франции, эта категория детей не может претендовать на паритетную долю наследства.

Ну да Бог с этим! Не тряпки же делим. Да и о наследстве ли, стогом говоря, идет речь? Григорий Михнов-Войтенко заявил, что претендует, в частности, на четыре пиджака. Это-то пусть заберет без всякого суда. Но он претендует на большее — на наследие. И суть здесь не в доходах от переизданий работ Галича. Суть в том, что человек, ничего не сделавший для посмертного возвращения Родине ее славного изгоя, покушается на право распоряжаться его творческим наследием, на право носить не только пиджаки Галича, но и его фамилию. Вот от чего больно. Куда больнее, чем от некоторых, мягко говоря, странных вопросов, заданных мне адвокатом истца. Вот такой, к примеру:

— Правда ли, что вы обращались к XXVII партийному съезду с просьбой реабилитировать отца? И вам не стыдно?

Впрочем, пусть о корректности этой реплики судят коллеги адвоката Уманской. Меня куда больше гнетет иное...

**Алена
АРХАНГЕЛЬСКАЯ-ГАЛИЧ.**

От редакции. Публикуя письмо А. А. Архангельской, мы отнюдь не пытаемся покуситься на приоритет судебной власти. Просто даем высказаться всем сторонам конфликтной ситуации. Но в одном солидарны с Аленой Александровной: нетворческие дискуссии вокруг Александра Аркадьевича и нас коробят. Однако уверены: ничто не способно не то что измазать — даже запятнать нашу память об Александре Галиче. Слишком чиста она...